

ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ: ОБРАЗОВАНИЕ НА ГРАНИЦЕ ЭПОХ

И.Б. Короткина

Россия, г. Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

О том, что мы переживаем смену эпох, сегодня, похоже, знают все. Индустриальная эпоха уходит в прошлое, и ей на смену приходит эпоха информации, вызванная революцией новых медиа. Не менее очевиден и тот факт, что эта революция повлекла за собой кардинальные сдвиги в способах коммуникации, которые, в свою очередь, изменили нашу жизнь до неузнаваемости. Однако, как это часто бывает при смене эпох (что само по себе происходит не часто), знать о чем-то не значит понимать происходящее и, тем более, предвидеть последствия. Большинство из нас, родившихся до медийной революции, продолжает мыслить привычными категориями и потому не в состоянии оценить масштабы происходящего и тот чудовищный разрыв, который навсегда отделил нас от тех, кто родился после нее.

Этот эпохальный разрыв, получивший название «цифровой разрыв» (digital divide) [1] разделяет не тех, кто имеет и кто не имеет доступ к информационным технологиям, но тех, кто ими владеет в совершенстве и кто владеет лишь базовыми навыками. Поскольку эти навыки являются коммуникационными, т.е. знаковыми, то речь идет о языке, а раз речь идет о языке, то ключевым словом становится «грамотность». И если о смене эпох знают все, то о смене концепции грамотности в России и Восточной Европе пока мало кто слышал. Тем не менее, именно реконцептуализация грамотности является сегодня ключом к идее построения принципиально нового образования. Этой проблемой уже не один десяток лет занимаются представители международного междисциплинарного научного направления, получившего название New Literacy Studies (Исследования новой грамотности).

Нынешняя реконцептуализация грамотности – лишь третья по счету, но масштабы ее последствий для образования трудно переоценить, если вспомнить последствия предыдущих двух, также вызванных революционными изменениями всемирного масштаба: изобретением письменности и книгопечатания. Так, изобретение Гуттенберга в полном соответствии с потребностями индустриальной эпохи привело к массовости образования и массовому доступу к информации. За одинаковые парты в

один класс стали сажать десятки учащихся, унифицированных только по году рождения, а выпуск студентов был поставлен на поток. Тиражирование учебников и книг привело к стандартизации программ, единым тестовым системам, цензуре государства и однонаправленному потоку информации от центра к массам. Это была эра массового потребления обработанной, проверенной и упакованной информации – от учебников до газет и научных журналов.

Чем же характерна новая эпоха? Прежде всего, закат индустриальной эпохи означает конец массового потребления информации. Представители международных исследований в области образования и грамотности (New Literacy Studies) определяют этот период как переход от массовой коммуникации к индивидуализированной, от однонаправленной коммуникации к разнонаправленной и от пассивной аудитории к интерактивной [2, с. 179]. Учитель больше не является носителем единственно достоверного знания, учебник – истиной в последней инстанции, а ученик – послушным потребителем. Такой сдвиг означает совершенно новые отношения в образовании, которые невозможно установить посредством частичного реформирования системы. Ее необходимо менять в корне. Но как?

Для того, чтобы понять, как менять образование, необходимо понять, для кого оно должно измениться и почему. Новая концепция грамотности позволяет это сделать.

Прежде всего, взрывной характер изменений в концепции грамотности связан с революционным и изменениями в коммуникации. М.Варшавер в качестве основного катализатора новой грамотности выделяет коммуникацию посредством компьютера (Computer-Mediated Communication), основными характеристиками которой являются письменный формат, дистанционный характер с множественными коммуникантами, глобальный гипертекст и мультимедийность (использование изображений, видео, аудио и текста) [1, с. 25-28].

С рождением Web 2.0, а затем и Web 3.0, коммуникация окончательно утратила потребительский характер, и каждый коммуникант стал творцом, активным участником общения в глобальном информационном пространстве. Теперь для этого требуется уже не только и не столько критическое мышление и умение оценивать и анализировать, сколько продуцировать информацию текстом и всем арсеналом мультимедийных средств, генерировать и формулировать собственные идеи и отстаивать свою позицию. Таким образом, главной ценностью информационного общества становится знание, а залогом успеха – умение осуществлять коммуникацию [3, с. iv]

Язык коммуникации, которым оперирует сегодня представитель новой эпохи, крайне сложен и включает в себя множество активно взаимодействующих подсистем. Новая грамотность¹, как и любая другая, позволяет оценивать уровень владения этим языком (gramma, как и litera в английском термине literacy, означает «знак, буква, символ»), поэтому с ее помощью специалисты сегодня могут оценить этот уровень у разных групп людей.

Очевидно, что чем позже человек начинает овладевать новым языком, тем труднее это происходит и тем менее естественным он для него будет. Как показывают европейские исследования [4, с. 6], наиболее уязвимой социальной группой в постижении цифровой грамотности оказываются люди старше 55 лет. Им тяжело дается не только новый язык и новые технологии, но и новые ценности, и новый характер жизни, и новая культура. Среди школьных учителей и преподавателей вузов этот возраст не считается критическим или непродуктивным, однако и более молодые начали осваивать новый язык уже взрослыми. Неудивительно, что овладев его основами, мы остаемся «иностранцами», для которых он чужд.

Однако для тех, кто в полной мере владеет цифровой грамотностью, существует еще более четкая градация. Для обозначения всех тех, кто овладел языком новых технологий в сознательном возрасте и может уверенно им пользоваться в самых различных ситуациях, используется термин «digitally literate», то есть *грамотные* в цифровом отношении. Следующая категория включает тех, кто столкнулся с информационными технологиями в детстве и освоил их интуитивно. Этим молодых людей отличает естественность и свобода цифровой коммуникации; они не просто легко, но с радостью воспринимают новшества и также легко адаптируются к новым контекстам и новым подъязыкам. Это поколение называется «digitally savvy», то есть *свободно владеющие* цифровым языком. Однако сегодня ученые выделяют уже третью категорию – детей, родившихся одновременно с Web 2.0 в середине 2000-х и взявших в руки цифровые устройства одновременно с первой игрушкой. Для этих детей цифровой язык становится родным. Они никогда не вспомнят о том, как они его освоили, и их называют «digitally native», т.е. людьми с *врожденной* цифровой грамотностью.

Это поколение пока неоднородно и молодо, но разрыв между ними и нами, людьми, которые через несколько лет встретят их в университете или уже встречают в

¹ Интересно, что термин, обозначающий новую концепцию грамотности, пишется с выделением букв IT (Information Technologies) – L(IT)eracy.

школе, необычайно велик. Дело даже не в том, что мы не так хорошо мыслим в цифровых терминах, а в том, что цифровая грамотность определяет социокультурную среду, в которой живут эти дети – и, кстати, мы сами. На свалку истории уходит эпоха массового производства, массовой коммуникации и массового образования, а вместе с ней и то, что нам было дорого и ценно. Нет больше незыблемых истин и авторитетов – мир открыт новым идеям, гипотезам и фактам, которые обновляются и проверяются ежесекундно; книга больше не является источником знания – она не успевает за ним; стандартизированные инструменты измерения знаний и системы их трансляции через образование не соответствуют характеру постижения этих знаний учащимися. Более того, сама система образования теряет свои позиции и приоритеты в распространении знаний. Можно успешно учиться и вне ее. В новом мире каждый должен найти себя сам, причем вопреки массовому мнению или традиционным представлениям, ибо самое главное – научиться продуцировать собственные идеи, имеющие ценность [5].

Таким образом, вопрос, как менять образование на изломе эпох, можно сформулировать так: кто должен приспосабливаться – дети с врожденной цифровой грамотностью к нашему старому миру, который уйдет вместе с нами, или мы к их новому миру, в котором им предстоит жить? Ответ напрашивается сам собой: меняться придется нам. Пришло время смириться с тем, что мы живем уже не в своей эпохе, но пока кроме нас некому готовить цифровое поколение к жизни в этом новом для всех, кроме них самих, мире. Старый мир книг и парт нам все еще дорог и привычен, и удалить из него, например, Толстого, Байрона или Ключевского кому-то может показаться кощунством, но войны за новую грамотность уже идут, и в них борцы за новое поколение уже противопоставляют новые знания – старым убеждениям, а свободу выбора – политизации [6]. И каждому из нас предстоит нелегкий выбор.

Литература:

1. Warschauer, M. *Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
2. Snyder, I. *Communication, imagination, critique – literacy education for the electronic age*. / *Silicon Literacies*. Ed. Ilana Snyder. London: Routledge, 2002. 173-183.
3. Cummins, J., Brown, K., & Sayers, D. *Literacy, technology, and diversity: Teaching for success in changing times*. Boston, MA: Pearson, 2007.
4. *Digital Literacy: European Commission Working Paper and Recommendations from Digital Literacy High-Level Expert Group*. <http://www.ifap.ru/library/book386.pdf>
5. Robinson, K., Aronica, L. *The Element: How Finding Your Passion Changes Everything*. London: Penguin Books, 2010.
6. Snyder, I. *Literacy Wars*. Sydney: Allen & Unwin, 2008.